

Валентин МАНУЙЛОВ

Был ли возможен другой социализм в России?

В нашей литературе давно уже утвердился неисторический взгляд на В. Ленина как своего рода «интеллектуального Робинзона», стоящего вне сравнения с иными мыслителями того времени, вне научной критики. На этой почве возникли и получили распространение интерпретации «позднего Ленина», согласно которым в 1921—1923 гг. он осуществил коренной пересмотр марксистских взглядов на социализм — отказался от «левокоммунистической» утопии и перешел на позиции нэповского реализма. Между тем анализ реальной истории социалистической мысли в России начала XX в. показывает, что предлагались разные, в том числе и более оптимальные и реалистичные пути социально-экономических преобразований, обоснование которых было связано с глубокими теоретическими новациями.

* * *

К концу 1918 г. страна оказалась в ситуации, похожей на ту, в которой весной 1921 г. было принято решение о введении нэпа. И на II Всероссийском съезде советов народного хозяйства (декабрь 1918 г.) прозвучал ряд предложений, представляющих, по существу, программу нэпа в зародыше. Вот они: а) заявить крестьянам — «мы вашей земли брать не будем, скот принадлежит вам»; б) крупные земельные имения сдать в аренду крестьянам под контролем власти и «быть гарантированным, что личные интересы заставят обрабатывать»; в) «дать возможность работать и предпринимателям», сдав в аренду им крупные промышленные предприятия¹. Автор этих предложений — меньшевик Далин. Он вполне может быть признан одним из первооткрывателей принципов нэпа².

Почему же идеи меньшевика Далина не получили в 1918 г. поддержки большевистского руководства? Почему Ленин не оценил их в то время? Думаю, правильно такое объяснение: наряду с объективными причинами

¹ Труды II Всероссийского съезда советов народного хозяйства (19—27 декабря 1918 г.). Стенографический отчет. М., ВСНХ, б. г.

Сравнение тезисов Далина с постулатами социал-реформистского традиционализма дает основание утверждать: Далин пытался отстаивать европоцентристское видение перехода к социализму.

Мануйлов В. И. — кандидат философских наук, заведующий кафедрой общественных наук Пензенского областного института усовершенствования учителей.

(главная из них - борьба за власть) «сработало» то обстоятельство, что большевики и меньшевики мыслили в различных парадигмах. Ленин и «большинство» оперировали категориями «политического активизма» и «революционного экстремизма». Меньшевики же хранили верность традициям «экономического детерминизма» и «органического эволюционизма»³. Отсюда — и различия в теоретических выводах, и неприятие политических позиций друг друга.

Глубже разобраться в этих вопросах можно, лишь обратившись к теоретическим поискам оппонентов Ленина в среде социал-демократии, наиболее значительными из которых, наряду с Г. Плехановым, нужно признать П. Маслова и Н. Суханова. Анализ их взглядов даст возможность увидеть и ту преемственность в развитии социалистической мысли, что позволила Ленину выйти за пределы русской марксистской ортодоксии и обратиться к социал-реформистскому традиционализму, и те противоречия и ограниченность, что не были видны самому автору «коренной перемены».

Начну с того, что Маслов не допускал мысли о возможности «ввести» социализм, пока капитализмом не созданы для этого все материальные предпосылки. В этом он не был одинок: так до 1917 г. мыслило абсолютное большинство русских социалистов. И именно потому, что никто из здравомыслящих социалистов не верил в скорое будущее социалистической революции в России, никто и не разрабатывал конкретные вопросы экономической политики новой власти. В книге «Итоги войны и революции» (М., 1918) Маслов предпринял попытку дать объективный анализ-прогноз экономического развития страны. Обращение к этой работе оправдано в той мере, в какой цели послефевральской (1917 г.) России и послемартовской (1921 г.) в принципе совпадали.

Исходная логическая предпосылка его рассуждений — последовательное различие организации производства и распределения. Для изменения основ производства нужна социалистическая революция, т. е. межформационный перелом. Изменение же принципов распределения достижимо в рамках капиталистического строя (т. е. в форме внутриформационного сдвига) путем финансового и социального законодательства, «без каких-либо резких потрясений». По мнению Маслова, социалистическая мысль Западной Европы преимущественное внимание уделяла организации производства. «Русская революция поставила все эти вопросы совершенно иначе. Рабочий класс в России не может взять на себя организацию производства потому, что представляет собой меньшинство населения страны»⁴. В то же время послефевральская Россия, с точки зрения Маслова, оказалась открыта такой социальной (но не социалистической!) революции, содержанием которой могло бы и должно было стать иное, сравнительно с классически буржуазным, распределение национального дохода. Эта социальная революция, по предположению Маслова, сохраняя «все основы капиталистического строя», повлекла бы за собой «значительный сдвиг экономических отношений не в сфере организации производства, а в сфере распределения национального дохода между различными классами»⁵. Тем самым Маслов,

³ Различие между «детерминистской» и «активистической» познавательными установками восходит ко времени классического марксизма. Оно проявилось у Маркса в том, что в одних работах, исследуя всю совокупность эмпирических оснований и детерминирующих факторов, он резюмировал логику капитализма, представив его развитие как естественно-исторический процесс. В других же работах, анализируя спонтанно возникающие из противоречий капитализма революционные ситуации, Маркс пытался концептуализировать возможность насильственного прерывания естественноисторического развития капитализма. В русском марксизме «экономический детерминизм» персонафицирован П. Струве, М. Туган-Барановским, Г. Плехановым, П. Масловым; «политический активизм» - В. Лениным.

⁴ Маслов П. П. Итоги войны и революции. М., 1918, с. 143.

⁵ Там же, с. 142.

сам того, возможно, не сознавая, сформулировал идею внутриформационной структурной революции, имеющей целью изменение условий воспроизводства и характера функционирования «национального» капитализма с сопутствующей этому изменению сменой моделей: бюрократически-милитаристской на либерально-демократическую или даже на социал-реформистскую.

Социальной основой и движущей силой нового типа распределения Маслову виделся союз рабочего класса с малоимущими классами, составлявшими большинство и наибольшую силу во время революции. И именно с этим обстоятельством, а не с уступками буржуазии он связывал перспективы распределения национального дохода «в направлении более производительного его потребления, в более выгодную для демократии сторону»⁶.

Анализ послефевральской России позволил ему зафиксировать противоречие: возможностей «закрепить политические завоевания революции» в стране больше, нежели в 1905 г.; вместе с тем «больше препятствий, вследствие экономической разрухи, наладить хозяйственную жизнь»⁷. Это то самое противоречие, неразрешенность которого в 1917 г. «сбросила» правительство Керенского, а в 1921 г., поколебав советскую власть, вынудила большевиков согласиться на переход к нэпу, т. е. на допущение капитализма ради подъема экономики. Единственно разумный путь в этих условиях — стабилизация экономики посредством планомерного распределения ресурсов и организации общественных работ «для демобилизованных по заключении мира рабочих», что «ослабило бы промышленный кризис и расчистило бы почву для развития производительных сил страны на почве капиталистических отношений»⁸. Но, согласно логике Маслова, такой путь, несмотря на упрочение капиталистических основ производства, не предполагал безусловного роста экономической силы и влияния буржуазии.

Как же Маслов конкретно мыслил новый тип распределения национального дохода и чем это могло быть выгодно «демократии»? «П р и существовании капиталистического с т р о я,—утверждал он,— наиболее выгодным не только для всей демократии, но и для развития производительных сил страны было бы такое положение, при котором частный предприниматель-владелец предприятия играл бы роль управляющего предприятием, получая соответствующее вознаграждение. Вся же прибыль шла бы на расширение производства. При таких условиях даже при существовании капитализма непроизводительное потребление национального дохода свелось бы до минимума, а производительные силы страны могли бы развиваться с наибольшей силой, возможной при капитализме»⁹.

Всякий, кто читал XXVII главу третьего тома «Капитала», поймет: Маслов тем самым попытался применительно к конкретному этапу развития революционного процесса в России развить марксово видение одного из возможных вариантов естественноисторического эволюционного развития. Напомню: по Марксу, уже акционерные общества дают превращение капиталиста в простого управляющего при условии его отделения от собственности на капитал. Расхождение между Марксом и Масловым в том, что первый в трансформации капиталиста в управляющего усматривал одну из форм отмирания капитализма, второй же полагал, что капитализм сохраняется, но модифицируется в направлении, «благоприятном для демократии».

Как можно охарактеризовать тип экономической структуры, перспективы развития которой Маслов обосновал в качестве ближайшей и наиболее

⁶Там же, с. 144.

⁷Там же, с. 155. ⁸Там же.

⁹ Там же, с. 144.

желательной цели? Учитывая опыт осуществления нэпа, есть основание полагать, что предложенная им модель организации и распределения — товарное производство, организуемое капиталистом, низведенным на роль предпринимателя-управляющего + государственное распределение национального дохода при участии «демократии» и в интересах свободного развития производительных сил — являлась, в принципе, моделью государственного капитализма. Маслов не употребил термина «государственный капитализм», но суть его идей именно в этом — в организации государственного регулирования товарно-капиталистического производства в интересах всего общества. Учитывая опыт функционирования социал-реформистских моделей, допустимо говорить, что масловский проект переустройства России давал возможность преодолеть (видоизменяя и смягчая) классовые антагонизмы при сохранении развивающейся функции товарного производства и общем подъеме уровня социальной справедливости. Таким образом, масловская модель общественно организованного демократического капитализма могла бы открыть России путь в сторону социализированного капитализма западноевропейского типа.

Своими идеями о новом типе распределения национального дохода (при сохранении капиталистических основ производства) и об ограничении (сужении) классовых функций капиталистов при сохранении их предпринимательских возможностей Маслов обосновал целесообразность перевода революционной энергии в русло внутрiformационной структурной революции. Но если сохранение за капиталистами функций управляющих предполагало классовое сотрудничество трудящихся со вчерашними собственниками, то установление нового типа распределения ставилось Масловым в зависимость от давления «демократии» на государственную власть.

* * *

Сотрудничество или борьба? Или: и борьба, и сотрудничество? Это уже политический аспект проблемы. Оригинальное его решение было предложено Н. Сухановым. Его книга "Записки о революции" имеет значение не только в качестве документа эпохи, но и как источник перспективных социально-политических проектов.

Сразу подчеркну: проблема политической надстройки, адекватной непрямому, неклассическому, реформистски-эволюционному пути в сторону социализма, оказывается едва ли не самой важной, если оценивать эту проблему с точки зрения той роли, какую сыграло «партократическое» государство в сворачивании нэпа в конце 20-х годов. Ленин решил ее просто и однозначно: капитализм допустить можно — весь вопрос в мере; меру же должно устанавливать государство, т. е. если по отношению к экономике Ленин как бы соглашался с идеями социал-реформизма, то к политической сфере он их не допускал. И поэтому важно проанализировать сухановский вариант организации политической надстройки послефевральской России, ибо, повторю, цели послефевральской (1917 г.) России и послемартновской (1921 г.) в принципе совпадали.

Общий замысел — «обеспечить и закрепить диктатуру демократических классов». Но каким способом? Суханов решился на парадоксальное предложение, которое по тем временам вряд ли могло вызвать симпатию: поскольку демократия слаба, необходимо привлечь буржуазию для укрепления демократизма в стране. «Советская демократия должна вручить власть цензовым элементам, своему классовому врагу, без участия которого она сейчас не совладает с техникой управления в отчаянных условиях разрухи и не справится с силами царизма, с силами самой буржуазии, обращенными целиком против нее. Но эта власть, вручаемая классовому врагу, должна быть такой властью, которая обеспечит демокра-

тии полнейшую свободу борьбы с этим врагом, с самим носителем власти. А условия ее вручения должны обеспечить демократии и полную победу над ним в недалеком будущем»¹⁰. В качестве важнейшей условия Суханов выдвигал «обеспечение полной политической свободы в стране, абсолютной свободы организации и агитации»¹¹.

Можно сколько угодно иронизировать по поводу предложения Суханова. Но если оценивать его сквозь призму исторического опыта, то окажется, что в сухановской альтернативе содержалось рациональное зерно. Его можно обнаружить в стремлении обосновать возможность перевода революционного процесса, чреватого катаклизмами, в относительно спокойное русло классового сотрудничества, в форму умеренных реформистских преобразований. Осмелюсь также утверждать: если проект политического устройства Суханова совместить с проектом экономических преобразований Маслова и рассматривать их как взаимодополняющие, то в них можно усмотреть истоки известной концепции «исторического компромисса» Э. Берлингуэра.

Согласно современным интерпретациям, составной частью пересмотра Лениным марксистских взглядов на социализм являлась разработка им принципиально новой экономической политики по отношению к крестьянству. Насколько она была новой, насколько предлагавшиеся Лениным меры отличались от того, что прогнозировали задолго до него, можно увидеть, обратившись к анализу теоретических поисков тех же Маслова и Суханова.

Первый толчок прогнозам относительно тенденций развития сельского хозяйства после революции дали события 1905 года. Обратимся вновь к работе Маслова. В ней он (цитируя одну из своих статей 1906 г.) прогнозировал пути развития сельского хозяйства в случае победы революции и экспроприации крупного землевладения. «Нужно думать,— логически рассуждал Маслов,— что во время революции в различных областях России крестьянство будет формировать свое хозяйство по тому же типу, какой существовал и раньше, лишь упраздняя существующие рядом помещичьи хозяйства и стремясь упрочить свое»¹². Вот оно главное, что было достаточно очевидно меньшевику Маслову и с чем не могли согласиться большевики: и после революции крестьянство будет развиваться как прежде, т. е. как особый класс мелких товаропроизводителей, стремясь удовлетворить свой интерес собственника, хозяина. Сознвая это, Маслов пытался реалистически осмыслить вопрос: к чему приведет тяга крестьянина укреплять собственное товаропроизводящее хозяйство?

Среди самых первых следствий аграрной революции Маслов называл расширение крестьянских хозяйств, а также рост потребностей деревенского населения, в числе которых наряду с потребностью лучше питаться он отмечал необходимость накапливать живой и мертвый инвентарь. Далее он выделял фундаментальную тенденцию, появление которой связывал с ростом покупательной способности крестьянства, с расширением внутреннего рынка. Она состояла в углублении дифференциации крестьянских хозяйств, когда «огромное количество кустарных, полупромышленных, полупомещичьих хозяйств вследствие увеличения рынка бросит земледелие и займется исключительно промыслом. Другая часть бросит промыслы и займется только земледелием». В результате, подчеркивал оппонент Ленина по аграрному вопросу, «произойдет перераспределение производитель-

¹⁰Суханов Н. Н. Записки о революции. Кн. первая. Мартовский переворот. Пг., 1919, с.173.

¹¹ Там же, с. 174.

¹²М а с л о в П. П. Указ. соч., с. 148.

ных сил и смена типов мелкого хозяйства: полупромышленные хозяйства распадутся на хозяйства высшего типа — на промышленные и сельскохозяйственные», что было бы «огромным шагом вперед»¹³.

Как виделись Маслову социальные следствия прогнозируемой дифференциации крестьянства? Выделяя две тенденции — в сторону зажиточности и в сторону пауперизма,— он полагал, что ведущей окажется первая. Вторая же обречена на исчезновение. Он связывал это с тем, что рост численности «хозяйственных мужиков», ведущих «прочное хозяйство», создаст ситуацию, когда вместо рабочей силы эти крестьяне будут отчуждать продукты своего производства в виде товаров¹⁴. В то же время «нехозяйственные» крестьяне, увеличив свое потребление, «будут продавать свой труд по более высокой цене». Маслов, следовательно, рассчитывал, что в результате аграрной революции на почве общего повышения потребностей крестьянства и его благосостояния произойдут вытеснение пауперизма и упрочение в качестве главной фигуры деревни товаропроизводящего крестьянства или крестьянина-предпринимателя.

В рассуждениях Маслова не содержалось точных указаний на конкретные меры, какие склонен был формулировать Ленин (вроде: продналог + свободная торговля). Но в них содержались такие оценки вероятных путей развития крестьянства, из которых логично вытекала необходимость вполне определенной политики: поощрение не деклассирующихся частей крестьянства, а «хозяйственных мужиков». (Можно сказать более категорично: крестьянство после революции, как это виделось Маслову — и как это произошло на самом деле в 1924—1927 гг.,— должно было с неизбежностью выделить из себя новый социальный слой — фермерство. И новая власть — «демократия» — должна была организовать поддержку этому слою.)

Реалистическая мера, которая была экономически целесообразна и политически возможна для решения такой задачи, заключалась в установлении нового типа распределения рентного дохода от земли. Маслов рассуждал так: «Возможно, что вся или главная доля рентных доходов, получавшихся крупными или средними землевладельцами, из рук дворянства и буржуазии перейдет в распоряжение общества и получит общественное назначение». Но «это передвижение значительной части национального дохода из рук частных лиц в распоряжение общества не есть социалистическая революция, но есть социальная революция в том смысле, что произойдет иное распределение национального дохода при неизменной форме производства, которое останется капиталистическим»¹⁵.

Ленин в 1921—1923 гг. тоже признавал, что допущение свободной торговли для крестьянина вело к развитию в сельском хозяйстве не только товарного производства, но и капиталистических отношений. Но у Ленина при всей его нэповской реалистичности не было идеи об изменении условий и принципов распределения рентного дохода. Ему, видимо, казалось, что этот вопрос революцией уже решен. Между тем именно с введением нэпа, а также в связи с необходимостью индустриализации он приобретал, как показал наш опыт 20-х годов, первостепенное значение.

Обратимся в этой связи к идеям Суханова, значимость которых в свое время не была оценена. В контексте нэповских поисков Ленина ничего подобного этим идеям — в смысле концептуальной определенности — нет. Есть лишь отдельные попытки поставить проблему, решение которой Суханов уже предложил.

¹³ Там же с. 149-150

¹⁴ Маслов П. П. Экономическая действительность и экономические перспективы. Сборник статей. М., 1906, с. 152.

¹⁵ М а с л о в П. П. Итоги войны и революции, с. 142.

Проблема эта заключалась в выяснении характера, условий, путей и форм развития сельского хозяйства. Суханов формулировал дилемму: «или обобществление земледельческого производства капиталом (как производства индустриального), или обобществление его на основе кооперации равноправных производителей»¹⁶. И затем полемически заострял: «...вся эта центральная проблема современной социалистической науки сводится к вопросу, возьмется ли капитал обобществление сельскохозяйственное производство, или же необходимое обобществление этой отрасли мирового хозяйства должно произойти при иных условиях, иными средствами, и ее пути к своим конечным формам при социализме — не сходны с путями индустрии к тем же конечным формам»¹⁷.

Веря в трудовой характер русского крестьянского хозяйства и в принципы свободной кооперации, Суханов как социалист позитивно оценивал аграрные изменения, произошедшие в результате Октябрьской революции. Но как исследователь он не мог обойти вниманием «один существенный пункт: об условиях пользования для индивидуального хозяина всенародной, национализированной землей»¹⁸. (Эта проблема чрезвычайно актуальна для нас и по сей день.) Логику рассуждений Суханова можно представить следующим образом. Экономические отношения 20-х годов «очень далеки от социализма, но социализм и устранение эксплуатации есть цель современного государства трудящихся. Вполне естественно и необходимо стремиться реализовать тот максимум принципов социализма, который совместим с наличными объективными условиями»¹⁹.

Как этого достичь? Ведь национализировав землю, объявив ее собственностью общества, государство оставило землю в частное владение крестьянам-товаропроизводителям. В то же время рабочие и служащие оказались лишены возможности осуществлять свое право собственности на землю. Возникает противоречие: если земля есть общественное достояние, то неправомерно брать налог за «самое право пользования землей... Нельзя облагать и оплачивать самый факт пользования общегражданским правом»²⁰. Но если обладатели земельных участков начинают пользоваться ими монополично, они становятся частными собственниками и, следовательно, налог необходим.

Выход из этого противоречия Суханов усмотрел во взимании земельной ренты. Аргументируя необходимость этой меры, он писал, что дело идет об обращении дохода крестьянина на нужды всех тех, кто его создает, «дело идет о равномерном распределении этого дохода между всеми земледельцами и всеми трудящимися. Ведь рента уйдет от крестьянина, получающего ее в избытке, именно в пользу крестьянина, не получающего ее. Если дело идет о поднятии благосостояния крестьянства, то рентное обложение и обращение ренты на общественные нужды послужат как раз могучим фактором для этого и притом это поднятие благосостояния деревни будет иметь место не в отдельных районах, в ущерб другим, а по всей стране». И далее: «Уплата ренты не есть уплата за пользование наделом, а есть уплата за привилегию, за монопольное обладание особыми выгодами держателей лучших участков, средство обратить на нужды всего государства, с одной стороны, продукт их общего труда, с другой стороны — привилегии одних земледельцев и невыгоды других, привилегии и невыгоды, от земледельцев нисколько не зависящие. Поэтому, кроме рен-

¹⁶ Суханов Н. Н. К вопросу об эволюции сельского хозяйства. Социальные отношения и крестьянском хозяйстве России. М., 1909, с. 27.

¹⁷ Там же, с. 86.

¹⁸ Е го ж е. Записки о революции. Кн. первая. Мартовский переворот, с. 6.

¹⁹ Там же, с. 87.

²⁰ Там же, с. 85.

ты или независимо от размера ренты, налога с земли взиматься не должно»²¹.

По Ленину, нэп для крестьянина означает: продналог + свободный торговый оборот. Ни о каком равенстве между крестьянами нет и речи. Ни о какой справедливости в отношении рабочих, не имеющих возможности реализовать общегражданское право собственности на землю, говорить не приходится. Позиция Суханова более полно учитывала тенденцию и особенности аграрной революции, сопровождавшейся интенсивной социальной дифференциацией, предсказанной, кстати говоря, Масловым еще в 1906 году. Последняя выразилась в росте аграрного перенаселения, что было равнозначно лишению части крестьянства его общегражданского права на землю, и вместе с тем — в формировании слоя крестьян-фермеров, частнопредпринимательски распоряжавшихся национализированной землей.

В этой ситуации государство оказалось перед дилеммой: либо, сделав ставку на пауперизирующуюся часть крестьянства, взять курс на свертывание рыночных отношений, благодаря которым крестьянин-фермер монополизировал часть общественной собственности, и в результате осуществить его повсеместную экспроприацию (этот курс, как известно, в итоге и победил), либо опереться на крестьянина-фермера и, используя его предпринимательский потенциал, накормить страну и создать сырьевую базу для легкой промышленности. Шаги же в этом направлении, наряду с расширением сферы хозяйственной и рыночной активности для крестьянина, должны были сопровождаться введением «ограничителя» в виде рентного налога. Цель последнего могла заключаться единственно в том, чтобы направить средства, получаемые фермерами за счет монопольного положения на рынке, на их объединение в ассоциации. Иными словами, один из вариантов развития мог состоять в том, чтобы начать кооперирование крестьян не с низших категорий, а с высших, опираясь при этом на их собственные средства (как это, собственно говоря, и было в дореволюционное время). Формой финансирования процесса кооперирования и могло стать изъятие рентного налога.

С этих позиций видно, что ленинский тезис о достаточности кооперирования как условия социализации собственности носил слишком общий и абстрактный характер. Суханов же, которого Ленин и его сторонники, ортодоксальные марксисты, обвиняли в доктринерстве, занимаясь, по сути, научным исследованием объективных процессов, делал выводы и прогнозы, формулировал предложения, которые более адекватно, нежели ленинские теоретические и практические импровизации, отвечали потребностям и целям общественного развития. Эта оценка относится и к Маслову, с которым Ленин поначалу переписывался в целях интеллектуального общения, а затем принципиально разошелся во взглядах и часто упрекал в непонимании сути аграрного вопроса в России.

* * *

Таким образом, можно говорить о том, что «коренная перемена всей точки зрения нашей на социализм», взятая в историческом контексте теоретических поисков путей и форм движения к социализму, вполне укладывается в те законы и нормы развития социалистической мысли, которые двигали последней всю ее историю. Именно: всякий новый поворот в развитии экономики, в изменении основных движущих сил развития общества выдвигал на первый план господство то одной, то другой ее разновидности. Этот процесс происходил в непрерывной борьбе различных течений, выра-

²¹ Там же, с. 80, 85.

жаясь в развитии и упрочении части из них за счет критики иных. Та победа, которую одержал уже в дооктябрьский период русский ортодоксальный марксизм над оппонентами, была обусловлена и специфическими особенностями капиталистического развития России, «провоцирующими» торжество «крайней левой», и характерными приемами критики ревизионизма. Среди последних нужно отметить стремление использовать идейную полемику для утверждения политического авторитета большевизма и дискредитации меньшевизма, намеренное игнорирование и искажение концептуальных построений ревизионизма и практического опыта реформизма как не укладывающихся в традиционную марксистскую парадигму, ориентированную на революционное насилие и диктатуру пролетариата.

Увлечение критикой оппонентов, не сопровождавшееся научным анализом выдвигаемых ими проблем, обернулось догматизацией марксистской ортодоксии и превращением ее в утопию. Была утеряна связь с нормой критического осмысления действительности, принятой среди западноевропейской социал-демократии: постулирование первенства науки по отношению к идеологии. Дилемма научности и идеологичности марксизма решалась образованными социалистами Запада и России начала XX в. в пользу критического анализа, который должен был непременно предшествовать формулированию социальных идеалов, обуславливая их содержание и тактику рабочего движения теоретическими выводами, полученными на почве обобщения эмпирических данных.

Сознательное игнорирование «ревизионистского» и «легального» марксизма не позволило Ленину в дооктябрьский период осознать узость отстаиваемой им теоретической позиции. Опыт же «военного коммунизма» показал, что самодостаточность марксистской ортодоксии оказалась мнимой. Вынужденный обстоятельствами переход к нэпу стимулировал не просто теоретическое оправдание этого перехода, но и поиск путей самоотрицания ортодоксального марксизма, который, правда, к положительным итогам так и не привел.

Нельзя не признать, что мыслители, составившие своими работами идейное предшествование «позднего Ленина», представляли, по существу, теоретическую альтернативу не только взглядам Ленина образца «военного коммунизма», но и его поискам 1921—1923 годов. Во всяком случае очевидно, что теоретические рассуждения Маслова и Суханова имели более цельный и последовательный характер, нежели размышления Ленина по аналогичному вопросу. Более того, в отличие от Ленина, признававшего вынужденный характер классового сотрудничества, но при обязательном господстве пролетариата (по сути, диктатуре партии), и Маслов, и Суханов отстаивали тезис о целесообразности классового сотрудничества как результата сознательного выбора с целью предотвращения гражданской войны и упрочения позиций демократии, что соответствовало бы и интересам рабочего класса. Но если автор «Записок о революции» рассчитывал на то, что классовое сотрудничество молодой русской демократии с буржуазией должно закончиться поражением последней, т. е. мыслил все-таки в категориях конфронтационной логики, то Маслов, осмысляя уроки Октября, постулировал идею классового сотрудничества как всеобщую и ближайшую цель социальных реформаторов во всех капиталистических странах. Он сформулировал тезис об известном совпадении экономических интересов рабочих и предпринимателей. А именно: мысль о том, что, будучи противоположны при распределении национального дохода, оба эти класса заинтересованы в хозяйственном развитии. Это было созвучно идее, неоднократно высказывавшейся Плехановым: для рабочего класса выгодно любое развитие капитализма, если оно улучшает его положение и облегчает условия борьбы за демократию и социализм. Маслов же, кроме того, обосновал целесообразность подчинения интересов рабочих (преимущественно в обла-

сти распределения) интересам хозяйственного развития, что значило для него — интересам будущего. Именно с этим он связывал исторические перспективы рабочего класса «стать носителем экономического прогресса и нового социального строя».

Оценивая интеллектуальное наследие Маслова и Суханова как своего рода теоретическую альтернативу ленинским поискам, нужно признать, что оно носило более европеизированный и более реалистический характер. Их идеи выросли из видения промышленного капитализма как системы, объективно не исчерпавшей своих резервов и возможностей, и потому провидчески выразили мировую тенденцию социализации капитализма, вырастающую из внутренних структурных сдвигов общества и при сотрудничестве составляющих его классов и групп.

© В. Мануйлов, 1992